

ДИАНА КАН

ОПЯТЬ ИДУ НА КРАСНЫЕ ФЛАЖКИ

* * *

Смирению у Пушкина учусь,
Хотя от дури никуда не деться.
Но русская эпическая грусть
Всё побеждает в нашем русском сердце.

В родной Берде, мятежной слободе,
Что гениальным Пушкиным воспета,
В шальной Берде, быть может, как нигде
Себя невольно чувствуешь поэтом.

Здесь вольный дух казачий не угас...
Вдали от политического вздора
Казачки вяжут шали на заказ,
Вывязывая вьюжные узоры.

Завет Берды, мятежной слободы.
Назло всем новомодным экспертизам
От звонких звёзд до пыльной лебеды
Высокою поэзией пронизан.

КАН Диана Елисеевна — русская поэтесса, автор книг “Високосная весна”, “Междуречье”, “Подданная русских захолустий” и др. А также множества публикаций в российских и зарубежных литературных и общественно-политических изданиях. Член редколлегии ряда литературных журналов России. Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

Дух бердяшей, яицких казаков,
Здесь умывался кровушкой бунтарской.
Здесь Емельян Иваныч Пугачёв
Озорвал воистину по-царски.

Рубил сплеча он, а любил дотла...
Императрица умная недаром
Яик-реку строжайше нарекла,
Чтоб с глаз долой, из сердца вон, Уралом.

“Какое ж тут смиренье?” — спросишь ты,
Мой умный уважительный читатель,
Спугнув тысячелетние мечты
О русском счастье, что всегда некстати.

* * *

До часу рожденья тихи,
О славе мечтая едва ли,
В душе вызревают стихи —
Беспечные дети печали.

Они появляются в срок,
Что Господом Богом назначен.
И между лирических строк
Ликуют вселенные, плача.

И смотрит на строчки поэт,
Как смотрит Творец на творенье:
“Откуда взялось ты на свет?” —
Не в силах унять изумленья.

* * *

На распахнутом настезь просторе
Город мой, белокаменный князь,
Азиатским ветрам непокорен,
Что приходят, до неба клубясь.

Он расскажет немало историй,
Обойдётся при этом без слов...
Орен, Орен, ветрам непокорен,
Ибо сам — повелитель ветров!

Созерцаем высокие звёзды,
Небосвод зажигаем с утра.
На станицы, погосты, форпосты
Насылаем шальные ветра.

Но всегда вопрошаю при встрече:
“Город детства, да кто ты таков?
Как ты смеешь мне вечно перечить,
Мне, законной царице ветров?..”

Но и он себе ведает цену:
Хоть не будет трезвонить о ней.
Горделивый, строптивый, надменный
Повелитель ветров и степей.

Я б, наверно, не стала поэтом,
Пересмешница и егоза,
Если б мы не схлестнулись на этом
Много-много столетий назад.

* * *

Любить сентябрь — опасное искусство —
Взасос, взаклёб, наотмашь и навзрыд.
Ведь в том, что осень — очень-очень грустно,
Меня и Пушкин не разубедит.

Казалось бы — по золоту ступаем,
Ещё в тоске не плачут небеса.
Но журавли уже собрались в стаю,
Мол, и синиц вам хватит за глаза.

Казалось бы, у яблок летний привкус,
И у небес лазурный окоём.
Но расставанья безутешный искус
Явил себя насмешливо во всём.

Через окно, распахнутое в небо,
Нездешней безутешностью сквозит.
Разлюбишь элегическую небыль,
Будь даже ты лирический пиит!

Ах, Пушкин, Пушкин! Это ж сколько надо
Душе поэта света и тепла,
Чтоб эту беспросветную награду
Воспеть строкой, сгорающей дотла?

Ах, осень-осень!.. Грустен очень-очень
Степных небес венчальный окоём.
Горит судьбы лирический подстрочник
Неугасимым пушкинским огнём.

* * *

Наверно, для чего-то это надо —
Предательства, подножки и тычки.
Волчицей, выходящей из засады,
Опять иду на красные флажки.

Улыбкою спасаясь от удушья,
К себе самой я возвращаюсь вновь...
О, где же ты, моё прекраснодушье?
И где же ты, великая любовь?

Подстрелены вселенскою тоскою,
Вы накануне жизни и весны
Чеканной поэтической строкою
В несовершенство мира влюблены.

Когда бы я не родилась поэтом,
Шакалы не скулили бы: “Ату!”...
Но накануне битвы тьмы со светом
Суровый кодекс волчьей чести чту.

Мне за победу оправдаться нечем:
Удел поэта на Руси таков...
...И на кануне оплывают свечи,
Поставленные мною за врагов.